

УДК 327, 329.3

ДИСКУРС ИСЛАМИЗМА

Исаков Александр Сергеевич,

Уральский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
при Президенте РФ,
старший преподаватель,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Аннотация

Автор рассматривает дискурс исламизма как многогранное явление, включающее в себя множество элементов. Выделяются такие структурные элементы, как: фундаментализм, джихадизм, салафизм, ваххабизм, исламофашизм, исламский интегризм, политический ислам, традиционный ислам, евроислам, женский исламизм и другие. Также рассматриваются отличия в восприятии дискурса между отечественными и зарубежными исследователями ислама.

Ключевые слова:

исламизм, исламский фундаментализм, традиционный ислам, евроислам.

Дискурс исламизма – совокупность дискурсов, возникающих под влиянием активизации присутствия ислама и исламских стран в международном политическом процессе. Формирование данного дискурса произошло под влиянием исламской повестки, ставшей актуальной частью как внутренней, так и внешней политики большинства стран в мире. Соответственно, это отражается на мыслях и суждениях граждан, формируя их взгляд на процессы, связанные с этой религией и ее последователями.

Данный вид дискурса характеризуется особым плюрализмом. Не существует единых подходов к пониманию его сущности и структурных составляющих. Прежде всего, он связан с концептом *исламизм*, а также со многими иными категориями, такими как *фундаментализм*, *джихадизм*, *салафизм*, *ваххабизм*, *исламофашизм*, *исламский интегризм*, *политический ислам*, *традиционный ислам*, *евроислам*, *женский исламизм* и другими.

Исламизм, как таковой, описывает общие характеристики политического действия. Можно сказать, что «исламизм – лишь один из множества терми-

нов, определяющих политическую активность под эгидой религии» [8, с. 16]. Сферой реализации исламизма является идеологическое поле существующих политических режимов стран исламского Востока, формирующееся под влиянием потребности экстенсивного развития в политике, экономике и социальной сфере. Данное развитие призвано компенсировать постколониальную ситуацию, формируемую с XVIII века. Для мусульман этот период является началом окончательного упадка исламского мира, на протяжении которого выстраиваются его отношения с внешним миром.

Традиции научного изучения исламизма также крайне многообразны. Общим вектором рассмотрения служит тезис о том, что возникновение дискурса исламизма связано с агональным дискурсом в мусульманских странах, появившемся как следствие проникновения инородной культуры и ценностей. Это подразумевает выделение исламской культуры как отдельного типа и его противопоставление западной культуре. «Две культуры – исламская и западная – сотворили два идеальных и даже идеально-гипертрофированных человеческих типа, в которых воплотилась суть этих культур, расходящиеся векторы их бытия в мире» [2, с. 170].

Соответственно, дискурс исламизма содержит в себе идеи и концепции, которые могут предложить решение не религиозных, а светских задач. Подобное понимание фигурирует и в работах зарубежных ученых, считающих исламизм «формой инструментализации ислама индивидами, группами и организациями, преследующими политические цели... <...> ... Это обеспечивает политические ответы на современные социальные вызовы, представляя будущее, основы которого зиждутся на переосмысленных концепциях, заимствованных из исламских традиций» [15].

При этом, исламизм, как и его дискурс-измерение, может быть как радикализованным, так и умеренным. Умеренное направление исламизма, традиционно, отождествляют с термином **политический ислам**. В концепции А. А. Игнатенко исламизм и политический ислам представляются как ориентация на религию при решении проблем общественно-политического развития. Целями является создание условий для использования религиозных норм во всех сферах жизни общества [3, с. 40]. На подобном понимании останавливаются и некоторые зарубежные авторы [16; 17].

Похожая точка зрения присутствует и в концепции В. В. Наумкина, который понимает под политическим исламом традиции неотделимости религии и политики в исламских странах [12, с. 428]. Практическая реализация концепта предполагает стремление к такому варианту политического развития государства, который бы выстраивался в соответствии с нормами религии. В концепции Р. Г. Ланды политический ислам является отражением **исламского фундаментализма** в политической плоскости и также может быть как умеренным, так и проявляться в ипостаси исламского экстремизма [5]. При этом умеренный политический ислам, интерпретируемый в терминах реальной политики, описывается термином **исламский интегрзм** [6, с. 30].

В концепции З. И. Левина исламский фундаментализм представляет собой ориентацию на полноценную реализацию базовых религиозных принципов – столпов ислама [7, с. 19]. Акцентуация данных принципов является

проявлением исламской ортодоксии. В концепции Г. И. Мирского, исламский фундаментализм – это «призыв вернуться к истокам веры, к первоначальной чистоте религии, искаженной и извращенной отступниками. Фундаментализм может быть присущ любой религии. Поборники мусульманского фундаментализма (по-арабски «салафийя», от слова «салаф» – предки) призывают очистить свою религию от темных и позорных наслоений, исказивших ислам по вине нечестивых, неправедных правителей и погрязшей в роскоши и разврате верхушки общества» [10, с. 16]. В таком понимании исламский фундаментализм представляется как реакционное явление **салафизм**, направленное на реставрацию чистой религии.

Дискурс салафизма особенно характеризует особенности дискурса исламизма на постсоветском пространстве. Поскольку большинство стран региона столкнулись с экстремистскими проявлениями и негативными последствиями исламизма, данный термин имеет однозначно негативную коннотацию и им обозначаются только радикальные проявления фундаментализма [9].

Другие радикальные дискурсы исламизма обычно обозначаются терминами **ваххабизм** и **джихадизм**. Термин ваххабизм используют в отношении радикального проявления мусульманской религии, возникшего под влиянием из Саудовской Аравии. Джихадизм подразумевает негативные акционистские проявления радикальной веры, используемые в делинквентном ключе. В частности, в концепции Р. М. Мухаметова, джихадизм представляет собой наиболее радикальное течение исламизма, предполагающее собой абсолютизацию бунта как способа влияния на политические решения [11, с. 31]. В большем количестве случаев, это подразумевает вооруженную борьбу и попытки насильственной реализации законов шариата.

Другим термином, описывающим радикальный исламизм, является **исламофашизм**. Данный термин придуман и внедрен французским историком М. Родисоном, который применял марксизм для изучения исламского Востока и характеризовал данным термином современную политическую систему Исламской Республики Иран. Стоит отметить, что данный термин популярен в западной политической науке, но обширно критикуется отечественными исследователями ислама. В США он популяризировался неоконсерваторами, желавшими метафорично подчеркнуть негативные проявления ислама, а также использовался в работах видных ученых. В частности, Ф. Фукуяма делал акцент на том, что исламофашизм характеризует столкновение западной и мусульманской цивилизации, и со стороны последней принимает характер борьбы против современности [14, с. 107].

Отражением общего воздействия радикального исламизма становится и возникновение новых феноменов, включающихся в его дискурс. Одним из таких феноменов является **женский исламизм** [1]. Несмотря на то, что политическая активность женщин в традиционалистских мусульманских обществах не приветствуется, активизируется участие женщин в деятельности радикальных террористических группировок. Из числа женщин формируются как политические группы, так и боевые отряды. Несмотря на приверженность крайним религиозным идеям, такая ситуация возникла под влиянием секу-

ляризма и эмансипации, породивших идею о равноправии женщин. Именно поэтому в ряды террористических группировок вливаются, в большей степени, мусульманки и неофитки из европейских стран.

В качестве профилактики радикальных проявлений веры западные исследователи рассматривают так называемый «евроислам». Под ним подразумевается рожденная в Европе версия мусульманской религии, основанная на плюрализме и идеях демократии. Ее апологетом является германский политолог сирийского происхождения Б. Тиби, считающий, что «евроислам основан на европеизации и включает в себя плюрализм. В демократической Европе не может быть места для ислама, основанного на шариате. Исламизация Европы, как ее себе представляют исламисты, хоть это и не хотят признавать, представляет собой угрозу европейской идентичности и открытому обществу» [18, р. 14]. Таким образом, евроислам противопоставляется радикальным учениям, проникающим на континент вместе с эмигрантами, и представляет собой синкретический конструкт, производный как западной, так и исламской культуре.

Для практического претворения данного явления необходима высокая доля секуляризации, проводником которой является глобализация. При ее осуществлении произойдут масштабные трансформации, способствующие смешению культур и религий, так же, как в свое время это случилось на африканском континенте [18, р. 56]. Однако на сегодняшний день, распространению евроислама мешает именно секуляризация, не позволяющая европейским странам создавать собственные институты, которые занимались бы подготовкой мусульманских проповедников – проводников данных идей. Таким образом, идея евроислама остается в плоскости академического дискурса, оказывая невысокое влияние на реальное состояние мусульманских сообществ, но оставляя за собой потенциальную возможность стать региональной разновидностью вероучения [13].

Некоторые отечественные эксперты сближают евроислам и российский ислам, усматривая в нем общие черты [4]. При этом заложенные в нем европейские традиции секуляризма отрицают возможность влияния на религию местных традиций, что широко распространено в РФ. В связи с этим, для характеристики умеренного исламизма, подчеркивая его конструктивное значение в качестве охранителя российского общества, в отечественном дискурсе используется термин **традиционный ислам**. Под ним подразумевается версия ислама, традиционно исповедуемая российскими мусульманами и не подвергавшаяся влиянию извне. К сожалению, устоявшихся подходов к определению термина в научном дискурсе, на сегодняшний день, не существует.

Таким образом, исламистский дискурс включает в себя множество концепций, под которыми могут пониматься как радикальные негативные феномены, так и умеренные направления, способствующие позитивной артикуляции мусульманских ценностей в публичной сфере. Кроме того, существуют концептуальные различия между отечественным дискурсом исламизма и подходами зарубежных ученых. Тогда как в западных концепциях часто фигурируют идеи либо подчеркивающие негативные аспекты ислама, либо

настаивающие на принудительной секуляризации и придания вере синкретического характера, отечественные ученые наиболее часто описывают гуманистический потенциал мусульманского вероучения, отмечая исключительную роль носителей этой религии в становлении и развитии современной России.

1. Балтанова Г.Р. Женский исламизм – феномен XXI века [Текст] / Г.Р. Балтанова // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 224–229.
2. Игнатенко А.А. Зеркало Ислама [Текст] / А.А. Игнатенко. М.: АНО «Русский институт», 2004. 216 с.
3. Игнатенко А.А. Ислам и политика [Текст] / А.А. Игнатенко. М.: Институт религии и политики, 2004. 256 с.
4. Королева Л.А., Королев А.А. «Евроислам» в постсоветской России: к историографии вопроса [Текст] / Л.А. Королева, А.А. Королев // Омский научный вестник. 2007. № 4 (58). С. 53–54.
5. Ланда Р.Г. Политический ислам и отношения Восток-Запад [Текст] / Р.Г. Ланда // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. № 1. С. 119–134.
6. Ланда Р.Г. Политический ислам предварительные итоги [Текст] / Р.Г. Ланда. М.: ИБВ, 2005. 286 с.
7. Левин З.И. Фундаментализм [Текст] / З.И. Левин. М.: Институт востоковедения РАН, 2003. 264 с.
8. Малашенко А.В. Исламизм на все времена [Текст] / А.В. Малашенко // Свободная мысль. 2004. № 12. С. 16–28.
9. Малашенко А.В., Старостин А.Н. Ислам на современном Урале [Текст] / А.В. Малашенко, А.Н. Старостин. М.: Московский центр Карнеги, 2015. 30 с.
10. Мирский Г.И. Ислам история и современность [Текст] / Г.И. Мирский // Ислам: история и современность. 2010. С. 3–20.
11. Мухаметов Р.М. Политическое самоопределение исламского мира в условиях глобализации (Политические доктрины и действия) [Текст] / Р.М. Мухаметов. М.: Медина, 2008. 163 с.
12. Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика [Текст] / Р.М. Мухаметов. М.: Медина, 2009. 768 с.
13. Садыхова А.А. Евроислам: миф или реальность? [Текст] / А.А. Садыхова // Управленческое консультирование. 2010. № 1 (37). С. 90–98.
14. Фукуяма Ф. Америка на распутье [Текст] / Ф. Фукуяма. М.: АСТ, 2008. 282 с.
15. Denoex, G. The forgotten swamp: navigating political Islam [Text] / G. Denoex // Middle East Policy. № 9 (2). P. 56–81.
16. Gerges. F.A. The Islamist Moment: From Islamic State to Civil Islam [Text] / F.A. Gerges // Political Science Quarterly. 2013. № 128. P. 389–426.
17. Shaykhutdinov R., Achilov D. Islam, Islamism, and collective action in Central Asia [Text] / R. Shaykhutdinov, D. Achilov // Trames. 2014. Vol. 18. № 4. P. 383–405.
18. Tibi B. Political Islam, World Politics and Europe. Democratic Peace

and Euro-Islam versus Global Jihad [Text] / B. Tibi. New York: Routledge, 2007. P. 328.

References

1. Baltanova G.R. Zhenskij islamizm – fenomen XXI veka [Tekst] / G.R. Baltanova // Vestnik e'konomiki, prava i sociologii. 2016. № 1. S. 224–229.
2. Ignatenko A.A. Zerkalo Islama [Tekst] / A.A. Ignatenko. M.: ANO «Russkij institut», 2004. 216 s.
3. Ignatenko A.A. Islam i politika [Tekst] / A.A. Ignatenko. M.: Institut religii i politiki, 2004. 256 s.
4. Koroleva L.A., Korolev A.A. «Evroislam» v postsovetsoj Rossii: k istoriografii voprosa [Tekst] / L.A. Koroleva, A.A. Korolev // Omskij nauchnyj vestnik. 2007. № 4 (58). S. 53–54.
5. Landa R.G. Politicheskij islam i otnosheniya Vostok-Zapad [Tekst] / R.G. Landa // Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty. 2015. № 1. S. 119–134.
6. Landa R.G. Politicheskij islam predvaritel'nye itogi [Tekst] / R.G. Landa. M.: IBV, 2005. 286 s.
7. Levin Z.I. Fundamentalizm [Tekst] / Z.I. Levin. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2003. 264 s.
8. Malashenko A.V. Islamizm na vse vremena [Tekst] / A.V. Malashenko // Svobodnaya mysl'. 2004. № 12. S. 16–28.
9. Malashenko A.V., Starostin A.N. Islam na sovremennom Urale [Tekst] / A.V. Malashenko, A.N. Starostin. M.: Moskovskij centr Karnegi, 2015. 30 s.
10. Mirskij G.I. Islam istoriya i sovremennost' [Tekst] / G.I. Mirskij // Islam: istoriya i sovremennost'. 2010. S. 3–20.
11. Muxametov R.M. Politicheskoe samoopredelenie islamskogo mira v usloviyax globalizacii (Politicheskie doktriny i dejstviya) [Tekst] / R.M. Muxametov. M.: Medina, 2008. 163 s.
12. Naumkin V.V. Islam i musul'mane: kul'tura i politika [Tekst] / R.M. Muxametov. M.: Medina, 2009. 768 s.
13. Sadyxova A.A. Evroislam: mif ili real'nost'? [Tekst] / A.A. Sadyxova // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2010. № 1 (37). S. 90–98.
14. Fukuyama F. Amerika na rasput'e [Tekst] / F. Fukuyama. M.: AST, 2008. 282 s.
15. Denoeux, G. The forgotten swamp: navigating political Islam [Text] / G. Denoeux // Middle East Policy. № 9 (2). P. 56–81.
16. Gerges. F.A. The Islamist Moment: From Islamic State to Civil Islam [Text] / F.A. Gerges // Political Science Quarterly. 2013. № 128. P. 389–426.
17. Shaykhutdinov R., Achilov D. Islam, Islamism, and collective action in Central Asia [Text] / R. Shaykhutdinov, D. Achilov // Trames. 2014. Vol. 18. № 4. P. 383–405.
18. Tibi B. Political Islam, World Politics and Europe. Democratic Peace and Euro-Islam versus Global Jihad [Text] / B. Tibi. New York: Routledge, 2007. P. 328.

UDC 327, 329.3

DISCOURSE OF ISLAMISM

Isacov Alexander Sergeevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Senior lecturer,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: as.isacov@gmail.com

Annotation

The author considers the discourse of Islamism as a multifaceted phenomenon, which includes many elements. There are structural elements such as: fundamentalism, jihadism, salafism, Wahhabism, Islamofascism, Islamic integristism, political Islam, traditional Islam, Euro-Islam, women's Islamism and others. Also, the article examines some different between Russian and foreign researchers of Islam.

Key concepts:

Islamism, Islamic fundamentalism, traditional Islam, Euro-Islam.